

Пролог

Лондон, июль 1814 года

Бомонт Белхем, маркиз Беллингем, собирался на очередную вечеринку с друзьями. Единственный среди них непьющий, он всегда следил, чтобы никто не натворил ничего неподобающего, что случалось довольно часто. В его задачу также входило проследить, чтобы все добрались до дома в целостности и сохранности.

Друзья облюбовали столик на четверых в просторной нише таверны «Любопытный козел», и Беллингем выжидал момент, чтобы поделиться с ними одной идеей, хотя они скорее всего сочтут ее нелепой. Он как раз обдумывал, как лучше изложить свои соображения, чтобы всем было понятно, когда Кендалл поставил кружку на шершавую столешницу и объявил:

— Вот что, друзья: я решил жениться.

Белхем уставился на друга так, словно у того выросли рога, да и Уорт с Клейтоном явно опешили. Да уж, любопытно, к чему такая срочность.

Как обычно, Рис Шеффилд, герцог Уортингтон, первым обрел дар речи. Несмотря на пагубное влияние папаша, сумасброда и психопата, ныне покойного, Уортингтон не скатился по наклонной. Нет, Уортингтон не был монахом, но всегда умел вовремя остановиться, и хотя всячески демонстрировал наплевательское отношение

к жизни, никто не сомневался, что если понадобится, он не раздумывая отдаст жизнь за страну.

В ответ на заявление Кендалла Уортингтон тряхнул головой, поморщился и с шумом втянул воздух:

— Ты серьезно? Неужели появилась необходимость связываться во что-то, столь... постоянное?

— Наверное, старею, — мелодраматично изрек Кендалл.

— В двадцать девять? Да мы еще неразумные щенки! — воскликнул Уортингтон. — Моему отцу было за пятьдесят, когда я родился.

Кендалл еще не привык к роли графа, поскольку получил титул после смерти от чахотки старшего брата, и относился к нему со всей возможной ответственностью: даже обратился в парламент с законопроектом о занятости, разработанным братом. Только если опять речь зашла о женитьбе, значит, у него провалы в памяти.

Беллингем решил, что пора вмешаться, и, прищурившись, спросил:

— Ты уверен, что готов? Прошло всего два года, с тех пор как...

Продолжать не имело смысла: зачем сыпать соль на сердечную рану, которая едва затянулась... В отличие от него самого и Уортингтона, который всегда проявлял сдержанность в отношениях с противоположным полом, Кендалл был слишком эмоциональным и ранимым. Когда невеста Кендалла, леди Эмили Форсуэл, бросила его прямо перед свадьбой, променяв на претендента с титулом, он был раздавлен, уничтожен.

Уортингтон зарекомендовал себя убежденным холостяком, а сам Беллингем считал, что семью ему заменяет работа в министерстве внутренних дел. Он даже попытался отказаться от титула, чтобы воевать солдатом против Франции, но в этой просьбе ему было отказано. Очевид-

но, монаршим особам маркизы были нужнее в родных пенатах, так что Беллингем смог применить свои таланты в другом месте: в министерстве внутренних дел он возглавлял отдел внешней разведки. Эта работа: выслеживать предателей — ему очень нравилась.

Эван Ферчайлд, виконт Клейтон, воскликнул, оторвав Белла от посторонних мыслей:

— Слава богу! Скоро я буду не единственным из нас, связанным по рукам и ногам узами супружества.

Клейтон женился совсем недавно и только что вернулся из путешествия, в котором провел медовый месяц. Виконт обожал свою жену, любил политику и науку (именно так, и не иначе). Богатый как Крез, Клейтон был настоящим другом и преданным супругом. Семейная жизнь явно пришлась ему по вкусу.

Беллингем брезгливо отодвинул кружку, наполненную сомнительного вида пойлом, и обвел друзей взглядом.

Это были самые близкие люди. Познакомились они в Итоне, крепко сдружились и долгие годы не расставались. У каждого в этой мужской компании была своя роль — так сложилось.

Для Кендалла на первом месте всегда был долг. Годы службы на королевском флоте научили его ответственности, он всегда выполнял обещания, которые давал, и не боялся взваливать на свои плечи груз, для многих неподъемный. После предательства леди Эмили его совершенно не привлекала идея женитьбы.

Уортингтон обладал потрясающей способностью любую ситуацию свести к шутке: отпускал порой такие замечания, что даже друзья не знали, куда глаза девать. Ему нравилось, чтобы его считали лоботрясом, но с герцогским титулом и немалым состоянием добиться этого было непросто. Он был абсолютно предан друзьям и до

сих пор не простил леди Эмили предательства его лучшего друга.

Сам Беллингем даже не задумывался о женитьбе: было полно более важных дел. В данный момент, например, он выслеживал предателя, который едва не поставил под удар части британской армии на реке Бидасоа. Кто-то из членов парламента, знакомый с планами Веллингтона в Испании, поделился ими с противником, поставив тем самым под угрозу всю операцию.

Депешу, слава богу, удалось перехватить, и британская армия одержала при Бидасоа победу, но это не сделало сам акт предательства менее чудовищным. Для Беллингема поиск преступника и передача его властям для осуществления правосудия стали делом чести. Отсюда — и необычная идея, которая недавно пришла ему в голову и теперь постоянно напоминала о себе.

Пока же друзья обсуждали заявление Кендалла по поводу женитьбы.

— Я не шучу, — убежденно заявил Лукас. — Мне нужен наследник. Боюсь, все последнее время у меня отнимал законопроект о занятости, и мне было не до поисков невесты.

— Да уж, этот законопроект сделал тебя одержимым, — усмехнулся Уортингтон.

Лукас пожал плечами.

— Ну, теперь, поскольку голосование отложили до осенней сессии, у меня есть время для сбора необходимых голосов и я могу серьезно заняться поисками подходящей кандидатуры на роль жены.

Беллингему вдруг пришла в голову еще одна сумасшедшая мысль, и он прищурился.

— Лично я никогда не проявлял интереса к работе парламента, — растягивая слова, проговорил Уортингтон. — Жалко времени. А все эти обсуждения... такая скука.

— Я совершенно уверен, что там справятся и без тебя, — устремив на друга насмешливый взгляд, заметил Беллингем.

— Когда настанет время голосовать за законопроект моего брата, — сказал Кендалл, — я лично приеду к тебе, Уорт, вытащу из постели и отвезу в парламент.

Беллингем и Клейтон расхохотались, а Уортингтон, одарив друзей самой очаровательной улыбкой из своего арсенала, заметил:

— Давайте не будем о грустном. Куда интереснее заявление друга Лукаса о намерении жениться. Поведай-ка нам, любезный, сколько тебе лет?

Кендалл окинул друга непонимающим взглядом и буркнул:

— Ровно столько же, сколько тебе, старина.

Все прекрасно понимали, что Уорт взялся за свое: все четверо были ровесниками с разницей в несколько месяцев.

— Вот именно! — объявил герцог, откинувшись на спинку стула. — Совсем еще мальчишка! К чему такая спешка?

— Ну-ну, я бы попросил... — вмешался Клейтон.

— Легко говорить, если не надо заботиться о наследовании титула, — усмехнулся Кендалл, и Уортингтон, пожав плечами, легко согласился:

— Не стану спорить.

Щелкнув пальцами, чтобы привлечь внимание официантки, он заказал еще по кружке эля для всех.

— Если ты говорил о женитьбе серьезно, то немного опоздал, — заметил Клейтон. — Сезон закончился, через неделю-две, когда парламент уйдет на каникулы, общество разъедется по своим загородным поместьям.

— Да я и не хотел заниматься поисками невесты в сезон, — признался Кендалл. — От одной мысли об этом у меня мурашки бегут по коже. Всюду жеманные девицы

и хищные мамыши, намеренные любой ценой заполучить богатых мужей для своих чад. Нет уж, увольте!

— А есть другой способ найти невесту? — спросил Беллингем и подумал, что его идея не столь уж и бредовая, если повернуть разговор в нужное русло.

— Пока не знаю. — Кендалл отпил эля. — Только на сей раз я твердо намерен найти девушку, которая будет любить меня, а не деньги и титул.

— И это правильно! — провозгласил Уортингтон и стукнул кулаком по столу. — Думаю, все со мной согласится, что леди Эмили нет оправдания: какое вероломство! Лично для меня эта женщина больше не существует. Очень хотелось бы узнать, известно ли ей, что упустила графа, поспешив выйти за барона.

— Давайте не будем ее обсуждать, — раздраженно буркнул Кендалл и прикрыл глаза рукой.

Жизнерадостный Уортингтон не мог долго предаваться меланхолии, и, когда официантка принесла выпивку, одарил девушку очаровательной белозубой улыбкой и снова обратил внимание на друга:

— Я всего лишь хотел сказать, что сезон со всей его претенциозностью — последнее место, где можно найти преданную и верную спутницу жизни.

Кендалл отсалютовал другу кружкой:

— Разве я сказал не то же самое? Я вот уже два года избегаю сезонов как чумы.

— Ах вот почему тебя не затащишь в «Олмакс»? — усмехнулся Уортингтон, всем своим видом источая сарказм. — А я-то думал, что всему виной жидкий чай и болтливые кумушки.

— Ну, ты-то не ходишь туда по другой причине, — усмехнулся Беллингем. — Там же не подают ничего крепче чая.

Уортингтон подмигнул ему:

— Не спорю. А еще там нельзя сорвать банк, как у Холлистера.

Этот игорный дом был любимым у герцога: там он проводил практически все свое свободное время, имел карт-бланш и регулярно то выигрывал, то проигрывал небольшие состояния.

Кендалл почесал подбородок и невидящим взглядом уставился в кружку.

— Если бы в обществе не знали, что теперь я граф, у меня было бы больше шансов найти достойную пару.

Рис расхохотался так, что обернулись другие посетители.

— Я бы многое дал, чтобы увидеть, как граф, переодетый простолюдином, чтобы найти истинную любовь, чистит конюшни или выгребные ямы.

Клейтон поддержал Шеффилда, а вот Беллингем вполне серьезно проговорил:

— А что, не такая уж безумная идея.

Наконец-то разговор сам собой перетек в нужное русло.

— Ты о чем? — уточнил Кендалл.

— О том, чтобы предстать в облике простолюдина и попытаться найти невесту.

— Ты спятил, старина? — перестал веселиться Рис. — Или решил изменить своим принципам и выпил?

Беллингем подался вперед и совершенно серьезно заметил:

— В правильных обстоятельствах все может получиться.

Кендалл растерянно моргнул.

— Не понимаю, как это возможно.

— Да его в обществе знают в лицо, — заметил Клейтон. — Как он может измениться?

— Ты предлагаешь ему надеть маску или приклеить усы и бороду? — уточнил Уортингтон уже без улыбки.

Кендалл несколько минут в недоумении переводил взгляд с одного друга на другого и, в конце концов, заключил:

— Вы не можете говорить это серьезно. Клейтон прав: меня знает каждая собака.

— Нет, речь не о маскарade, — пояснил Беллингем, — а о... подходящих обстоятельствах.

— Например? — не понял Уортингтон и подался вперед.

— Вы двое меня пугаете, — подал голос Кендалл. — Неужели всерьез думаете, что это возможно?

— А почему бы нет? Да, идея нелепая, ну и что? Главное — все хорошо обдумать. К примеру, пусть это будет... прием в загородном доме, — с воодушевлением принялся объяснять Беллингем, игнорируя настороженность Кендалла.

Уортингтон тряхнул головой и прищурился.

— Прием в загородном доме, ну да, ну да...

— Но не просто где-то чей-то дом, — продолжил Беллингем. — Прием должен устроить один из участников эксперимента.

— Эксперимент? — вскинулся Клейтон. — Мало что мне нравится больше, чем опыты и эксперименты. Кстати, так уж случилось, что я как раз собираюсь разослать приглашения на свой ежегодный прием в загородном доме.

— Превосходно! — воскликнул Беллингем. Именно в помощи Клейтона он отчаянно нуждался.

— Эксперимент? Что за эксперимент? — испугался Кендалл. — Подождите. Меня все равно узнают.

— Он прав, — заметил Клейтон, отхлебнув эля.

— Значит, надо пригласить только дебютанток этого сезона и создать правильные условия, — невозмутимо заметил Беллингем.

Кендалл глубоко вздохнул и отодвинул кружку по-
дальше, чтобы не было соблазна выпить еще: ему нужна
сейчас трезвая — ну почти... — голова.

— Дебютантки меня, возможно, и не знают, зато их
мамаши — определленно. Многие из них уже были при
дворе со старшими дочерьми.

— А вот здесь требуются правильные условия, —
с улыбкой змея-искусителя проговорил Беллингем.

Уортингтон поскреб отросшую за день щетину на под-
бородке и тоже широко улыбнулся.

— Полагаю, ты на правильном пути.

Отлично! Если даже Уортингтон видит достоинства
его плана, шансы убедить оставшихся скептиков повы-
шаются.

— Имейте в виду: я отказываюсь носить маску, — за-
явил Кендалл. — Если вы подразумеваете именно это.
Мы все-таки живем не в Средневековье.

— Никакой маски, — успокоил его Кендалл и, отки-
нувшись на спинку стула, принялся пощипывать ниж-
нюю губу, как всегда, совершенно бессознательно, если
что-то замышлял. Строить планы — это так забавно!

— О разных там переодеваниях тоже не может быть
и речи, — продолжил Кендалл и отодвинул кружку еще
дальше.

— Ну, я имею в виду не совсем это...

— Клянусь Богом, это будет очень занимательно
наблюдать за спектаклем, — рассмеялся Уортингтон,
потирая руки.

— За каким еще спектаклем? — поморщился Клей-
тон, явно пребывая в недоумении. — Я перестал пони-
мать, о чем вы говорите.

— Все о том же: Кендалл сыграет роль слуги, — объ-
яснил Беллингем, ухмыляясь.

— Слуги? — растерянно переспросил Кендалл.

— Да! Превосходно! Все получится! — Уортингтон аж в ладоши захопал.

Кендалл уставился на него, как на безумного.

— А что тебя так обрадовало?

— Это не дает гарантии, что какая-нибудь из мамаш даже в ливрее слуги его не узнает, — заметил Клейтон.

— Ерунда! — возразил Беллингем. — Где вы видели, чтобы светские дамы обращали внимание на слуг? В разведшколе я убедился, что мало кто замечает детали. Бьюсь об заклад, что ни одна из дам не взглянет на Кендалла дважды, если он будет в ливрее, бриджах до колен и парике.

— У слуг есть огромное преимущество: они имеют отличную возможность наблюдать, как ведут себя леди, когда не стремятся на кого-то произвести впечатление, — добавил Уортингтон, убрав со лба длинную темную прядь. — Могу поклясться, что, обращаясь к потенциальному жениху, леди покажет себя с самой лучшей стороны и выставит в самом неприглядном свете перед слугой. Я в этом неоднократно убеждался на примере собственной матери.

— Вы оба сошли с ума, — констатировал Кендалл.

— Лично я — нет, — заверил его Клейтон и ослабил галстук. — Но задумка мне нравится, и я с радостью предоставлю свой загородный дом в качестве места проведения эксперимента.

Ну и дела! Так всегда бывает, стоит переборщить с выпивкой: самые безумные идеи кажутся вполне осуществимыми.

— Значит, ты тоже спятил, — обреченно объявил Кендалл.

— И все-таки подумай, — сказал Лукасу Беллингем. — Ты сможешь выбрать ту леди, которая тебе больше всего подходит. Не зная, что за ними наблюдают, дамы будут вести себя более естественно.

Кендалл прищурился:

— Странно, что ты не видишь в своем плане никаких изъянов.

Беллингом пожал плечами: чем невозмутимее себя вести, тем лучше.

— А что может пойти не так? Риск не так уж велик. Если кто-то тебя узнает, мы вовремя вмешаемся и попросим подыграть нам. Не сомневаюсь: любой согласится поразвлечься.

— А если я увижу девушку своей мечты, то что я должен делать? Сорвать ливрею, признаться, что я граф, и ждать, что она немедленно бросится мне на шею? — язвительно спросил Кендалл.

— Всего нет, — отвечивал Белл. — Я всего лишь предлагаю тебе понаблюдать, как юные леди относятся к слугам. Ты сможешь просто присмотреться, а уж ухаживать начнешь в следующем сезоне.

Кендалл медленно покачал головой и все-таки потянулся за кружкой. Возможно, если выпить еще, он тоже обнаружит в задуманном фарсе здравый смысл.

— Вы предлагаете мне выбрать будущую графиню на основании ее отношения к лакею?

Белл приподнял бровь и проговорил медленно, четко выговаривая каждое слово:

— А как леди Эмили относилась к слугам? — После паузы он сказал: — Судя по выражению твоего лица, друг мой, ты все понял.

Лукас скрипнул зубами, и Беллингом добавил себе еще одно очко.

Впрочем, это еще не все. Пора познакомить друзей с самой странной из всех его идей, решил Беллингом и между прочим проговорил:

— Да, вот еще что: я намерен составить тебе компанию.

— Что? — воскликнули друзья в один голос, и на красивой физиономии Уортингтона появилось выражение шока.

— Зачем тебе это?

Беллингем расправил плечи и уселся поудобнее.

— Я давно выслеживаю предателя, который чуть не поставил под удар битву у Бидасоа, и мне удалось сузить круг подозреваемых до трех человек.

— Ты имеешь в виду задание министерства внутренних дел? — уточнил Рис, понизив голос.

— Да. И если Клейтон пригласит на свой прием эту тройцу, я тоже переоденусь слугой, чтобы наблюдать за ними.

Уортингтон расхохотался.

— Ну кто бы сомневался! Ты никогда не забываешь о работе на корону, Белл, даже когда мы пьем.

Да уж, Рис, как всегда, проницателен. Белл улыбнулся шире. Ему никогда не удавалось одурачить Уорта. Впрочем, никого дурачить Беллингем не собирался: ему просто нужна была помощь.

— Почему бы не использовать благоприятную возможность для достижения сразу двух полезных целей вместо одной? Скажу честно, я обдумывал этот план еще до того, как Кендалл поведал нам о своем желании жениться, но если он пойдет на пользу нам обоим, тем лучше. Кстати, нам придется выполнять работу настоящих слуг: встречать гостей, относить, приносить, подавать и не забывать при этом кланяться.

— Хм, а мне, пожалуй, нравится идея, что под крышей моего дома будут вестись шпионские игры, — задумчиво протянул Клейтон и, основательно приложившись к кружке, продолжил: — Это придаст делу дополнительный налет интриги. И поскольку я никогда не был солдатом и не служил короне иным способом,

мой долг согласиться на эту военную хитрость. Не говоря уже о моей любви к экспериментам. Ну так что, Кендалл?

Лукас, осушив кружку, вытер губы тыльной стороной ладони и с обреченностью висельника ответил:

— Ну, если уж Беллингом со мной, как я могу отказаться?

Беллингом с трудом скрыл торжествующую улыбку. Ему все еще надо было убедиться, что друзья станут играть по его правилам, причем не только сегодня, но и потом — на трезвую голову.

Официантка вернулась с очередной кружкой эля для Уортингтона. Рис бросил ей монетку, игриво улыбнулся и опять обратил все свое внимание на друзей.

— Лично мне так интересно узнать, что из всего этого получится, что я не только с радостью понаблюдаю за спектаклем, но и поставлю крупную сумму на исход предприятия. Кто готов сделать ставку?

Беллингом закатил глаза и проворчал:

— Тебе бы все играть, Уорт, не можешь ты иначе.

— Возможно, но, согласись, это чертовски заманчиво. — Рис кивнул в сторону Белла. — Пять сотен фунтов на то, что вас обоих разоблачит какая-нибудь пронциательная мамаша, не пройдет и недели.

— Принимаю пари! — объявил Клейтон, подняв палец. — Ты, я полагаю, будешь среди гостей, Уорт?

Ехидный смех Кендалла не позволил Рису ответить сразу.

— Разумеется. Нашего друга Уорта никогда не примешь за лакея. — Лукас покачал головой и с откровенной симпатией взглянул на друга. — Боюсь, ты и часу не выдержишь, чтобы кому-то прислуживать.

Уортингтон резко выпрямился, ноздри его гневно раздувались.